

Л. А. Пасешникова¹

НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЫЗОВОВ

1. *Понимание академической свободы в современной российской юриспруденции*

В юриспруденции термин «свобода» обычно употребляется в связке с термином «право» применительно к характеристике правового статуса субъекта (прежде всего индивида). Нередко высказывается мнение, что эти термины по своей юридической природе и системе гарантий идентичны, поскольку очерчивают *обеспечиваемые государством социальные возможности человека* в различных сферах². Однако, на наш взгляд, более точной представляется позиция, исходящая из того, что в данных понятиях есть как сходства, так и различия. С одной стороны, и права, и свободы — это суть мера возможного поведения индивида, но с другой — права свидетельствуют о возможности *получения* каких-либо социальных благ, а свободы — о возможности *избежать* определенных ограничений со стороны государства³. Следовательно, если государство в законе закрепило право, то оно берет на себя ответственность за его обеспечение. Кроме того, как отмечает, например, Е. А. Лукашева, термин «свобода» призван подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора, не очерчивая конкретного его результата; термин же «право» определяет конкретные действия человека⁴.

Свобода основывается на добровольности субъекта и в этом смысле не опирается на государственное принуждение. Свободный человек — это индивид, обладающий реальной возможностью принятия самостоятельных решений и ресурсом, необходимым для их реализации. Сама свобода в таком понимании зависит от государства лишь опосредованно. Государство не может свободу как таковую создать, однако может упорядочить поведение свободных людей, установив общие правила поведения, задающие «социально-правовые параметры» реализации индивидуальных свобод, обеспечить возможности для позитивного проявления свободы, а также осуществить правовое ограничение свободы в случаях, когда она выражается в форме противоправных поступков. В данном слу-

чае уместно обращение к Декларации прав человека и гражданина, определяющей: «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому... осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же самыми правами. Границы эти могут быть определены только законом» (ст. 4). В свою очередь: «Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом» (ст. 5)⁵.

Таким образом, индивидуальная свобода — это возможность человека принимать самостоятельные решения и своим поведением способствовать реализации этих решений в пределах законодательно установленных границ (мер).

Определившись с понятием «свобода», которое по своей сути не совпадает (или, по крайней мере, не полностью совпадает) с понятием «право», можно перейти к анализу одной из ее разновидностей — свободе академической.

В действующем российском законодательстве нормативного определения академической свободы нет. Вместе с тем в различных нормативных правовых актах можно найти указание на ее элементы. В частности, ст. 3 п. 7 Федерального закона РФ «Об образовании» № 273-ФЗ (2013) закрепляет «свободу выбора получения образования...», а в п. 9 говорится об «автономии образовательных организаций, академических правах и свободах педагогических работников и обучающихся...» Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (п. 2 ст. 3) закрепляет, что «органы государственной власти РФ гарантируют субъектам научной и (или) научно-технической деятельности свободу творчества, предоставляя им право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок».

Можно сделать вывод о том, что на законодательном уровне академическая свобода понимается как свобода преподавателя по своему усмотрению излагать учебную дисциплину, свобода ученого выбирать тематику и методику научных исследований и, наконец, свобода студента в получении знаний соответственно своим склонностям и потребностям. Так, исследователи отмечают: «В основе принципа академической свободы лежит право на проведение исследований и преподавание без постороннего вмешательства как внутри вуза, так и извне, со стороны политических властей или частных лиц. Академическая свобода предполагает также свободу обучения для студентов. Важнейшим средством, обеспечивающим существование ака-

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций: «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России», «К вопросу о месте института академической свободы в национальной и международной системе прав человека и гражданина», «Социальное партнерство как предпосылка и условие формирования академической свободы», «Академическая свобода в системе конституционных прав и свобод личности» и др. Награждена медалями «За трудовое отличие», «К 300-летию Санкт-Петербурга», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Лукашева Е. А. Права и свободы человека и гражданина // Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2000. С. 133; Луковская Д. И. Права человека и права гражданина. Правовой статус человека и гражданина // История государства и права. 2007. № 13. С. 35.

³ См.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 133–134.

⁴ Лукашева Е. А. Указ. соч. С. 133.

⁵ Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г. Ю. Семинин. М.: Мысль, 1999. Т. III: Европа. Америка: XVII–XX вв. С. 246.

демической свободы, является институциональная независимость учреждений высшего образования, то есть их самостоятельность, прежде всего в академической (присуждение ученых степеней, разработка учебных планов и т. п.) и финансовой областях»¹.

Соответственно академическая свобода как юридическая конструкция включает как минимум три элемента: *свободу преподавания, свободу научного исследования и свободу обучения*, которые, в свою очередь, тесно связаны с *автономией учебного заведения*. Последняя означает самостоятельность, независимость учреждения при определении его политики в осуществлении образовательного процесса, подборе и расстановке кадров (в том числе связанных с замещением высших руководящих должностей), научной, финансовой, хозяйственной и иной деятельности. При этом в качестве субъектов, реализующих в своей деятельности возникающие в рамках академической свободы права и обязанности, будут выступать научно-образовательные центры (вузы и НИИ), профессорско-преподавательский состав, студенческая аудитория, научные сообщества (научно-исследовательские лаборатории, научные школы).

Академическую свободу можно рассматривать как межотраслевой институт права, объединяющий в своем содержании не противоречащие закону возможности участников образовательного и научного процессов и определяющий меру их самостоятельности при принятии компетентных решений в сферах высшего, послевузовского образования и науки, с их последующей реализацией.

Опираясь на приведенную дефиницию, можно выделить признаки, характеризующие академическую свободу:

— академическая свобода проявляется прежде всего в сфере высшего и послевузовского образования, а также в сфере научных изысканий, и в таком аспекте не претендует на роль универсального принципа образовательного процесса;

— содержание академической свободы составляют в комплексе потенциальные возможности субъектов образовательно-научных отношений, в которых, с одной стороны, выражаются их локальные субъективные интересы, а с другой — определяются пределы самостоятельности при принятии и реализации решений в соответствующих областях;

— академическая свобода представляет правовое состояние, основанное на определенной правовой ментальности индивидуальных и коллективных субъектов, осознающих свои права и корреспондирующие этим правам обязанности, а также сознательно и добровольно возлагающих на себя ответственность за принимаемые решения и совершаемые поступки;

— реализация академической свободы осуществляется за счет ресурсов субъектов-носителей, по отношению к которым государство выступает в качестве дозвоительно-разрешительной инстанции. При этом государство, обеспечивая субъектам возможность осу-

ществления предусмотренных академической свободой правомочий, вместе с тем не гарантирует наступление в итоге позитивных результатов, с надеждой на достижение которых субъекты вступали в образовательные либо научные отношения (в этом как раз и состоит принципиальное отличие свободы от права).

II. *Современные вызовы в сфере реализации академической свободы в российской образовательно-научной среде*

Образовательно-научная среда, одним из принципов формирования и функционирования которой является академическая свобода, в российских условиях никогда не отличалась стабильностью и логической последовательностью вносимых в нее трансформационных преобразований.

Распад СССР, обусловивший разрушение единой советской образовательно-научной системы и повлекший переориентацию «новой России» на ценностные ориентиры, закрепленные в государственных программах западных демократических государств, обусловил появление новых вызовов (как внутренних, так и внешних), без конструктивного ответа на которые говорить о позитивной динамике развития в области образования и науки не приходится.

К числу наиболее значимых внешних вызовов следует отнести следующие проблемные аспекты.

1. Российская Федерация (как, впрочем, и все остальные вновь образованные на постсоветском пространстве государства) провозгласила себя равноправным членом международного сообщества, «открытого» для широкого взаимодействия, в том числе в сфере академической мобильности преподавателей и студентов. В прикладном аспекте это повлекло необходимость унификации европейской и российской правовых систем. Не собираясь сейчас ни выступать в поддержку, ни заниматься критикой Болонского процесса, считаю необходимым констатировать, что в настоящее время в России сосуществуют, причем как самодостаточные, не связанные друг с другом сегменты, две модели образования: традиционная (советская) и болонская (европейская).

От Советского Союза российское высшее образование унаследовало специалитет как единую завершенную систему подготовки кадров. При этом считается ошибочным мнение, что специалитет — это обязательно пятилетний срок обучения. Полное юридическое образование, причем надлежащего качества, в СССР получали как на юридических факультетах государственных университетов, в силу наукоемкости образовательного процесса осуществлявших обучение в течение пяти лет, так и в государственных юридических институтах, и в специализированных вузах силовых ведомств (Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности, Министерства обороны), где образовательный процесс из-за его практической ориентированности продолжался четыре года. Парадокс, но в настоящее время пятилетнее обучение по программам специалитета осуществляют как раз силовые вузы, казалось бы, в первую очередь заинтересованные в более ускоренной (и, что немаловажно, менее затратной) подготовке профессиональных кадров.

¹ Волосникова Л. М. Университетский устав Российской империи 1804 г.: режим академической свободы // История государства и права. 2006. № 4. С. 33–34.

Внедрение Болонской образовательной системы предполагает построение трехуровневой образовательно-научной системы, в которой представлены три сегмента: образовательный (бакалавриат) — образовательно-научный (магистратура) — научный (PhD). При этом каждый из сегментов носит заверченный характер и должен предоставлять обладателю соответствующего образовательного статуса определенный набор профессиональных возможностей. Однако в современной России, вплоть до настоящего времени, обладатели бакалаврского диплома рассматриваются работодателями как «недоучки». Нормативно-правовое регулирование современного рынка труда в России не дает ответа на вопрос: в чем особенность бакалаврского и магистерского образования, чем бакалавр и магистр отличны от специалиста? Кроме того, вплоть до настоящего времени в Российской Федерации сохраняется советская централизованная система подготовки научно-педагогических кадров, и разговоры о необходимости перехода к системе подготовки «докторов PhD», к счастью, пока остаются только разговорами.

Отмеченная противоречивая двойственность образовательных моделей явно выражена в организации юридического образования в двух «основных» российских университетах: МГУ и СПбГУ. В МГУ осуществляется подготовка специалистов и интегрированных магистров (причем по шестилетней программе). СПбГУ осуществляет подготовку юристов по Болонской системе (бакалавриат, магистратура). При этом руководство университета неоднократно заявляло о стремлении отказаться от деятельности традиционных диссертационных советов, «замкнутых» на ВАК России, и организовать законченный диссертационный цикл на базе вуза. Вряд ли возникают сомнения, что подобная «конкуренция» среди российских вузов не способствует усилению стабильности образовательно-научного пространства, и если и может выступать в качестве формы академической свободы, то в ее наиболее негативном воплощении — «свободы разрушения».

2. Ликвидация «железного занавеса» и политика «открытых дверей» в академической сфере в переходный период становления российской государственности не сопровождалась сколько-нибудь последовательными усилиями по сохранению «золотого фонда» отечественной профессуры и талантливого студенчества. В условиях, когда государство практически самоустранилось от решения проблем материального обе-

спечения образовательной и научной деятельности, западные университеты и промышленные корпорации развернули настоящую «охоту за головами», по сути дела скупая лучшие российские умы. Печальный итог такой, мягко говоря, государственной беспечности сейчас наглядно виден. К примеру, нобелевский лауреат 2010 года по физике А. К. Гейм родился и жил в СССР, окончил МФТИ, однако предпочел «родной неразберихе» в научной области спокойную и достойную жизнь в Нидерландах, которые и представлял в Нобелевском комитете. Такие примеры, к сожалению, не являются единичными. Получается, что, реализовав академическую свободу в области мобильности преподавателей и студентов, государство не озаботилось защитой собственных национальных интересов в области «сбережения» талантливых научных кадров, по сути, предоставив Западу неконтролируемый рынок наиболее ценных научных специалистов.

Говоря о внутренних вызовах, следует в первую очередь отметить неоднозначное отношение государства к вузам вообще и к негосударственным вузам в особенности. Полагаю некорректной саму дифференциацию вузов на государственные и негосударственные. Все учебные заведения нашей страны, за исключением тех, где учредителем выступают иностранные государства, осуществляют образовательную деятельность по единым государственным стандартам, включены в единую финансовую и налоговую систему России. Отношение учредителей к различным министерствам и ведомствам, равно как и к неправительственным организациям (СПбГУП) либо бизнес-структурам, не должно рассматриваться ни с точки зрения гарантии качества образовательного процесса, ни как некое негативное обстоятельство. Учитывать при оценке следует не статус учредителя, а те закрепленные в образовательном законодательстве критерии, которые не зависят от того, относится вуз к «государственным» или нет.

В связи с этим вызывают недоумение высказывания ряда руководителей Министерства образования и науки РФ о необходимости сокращения значительного числа российских вузов, и в первую очередь так называемых частных. Представляется, что речь должна идти не о сокращении либо, напротив, увеличении числа учебных заведений как некоей «тайнственной» самоцели, а о создании и государственной поддержке вузов, в реальности составляющих образовательно-научное достояние России.